

В пространстве, отведённом для отдыха и восстановления, скрытые течения не утихали, несмотря на кажущееся внешнее затишье.

Ледяной взгляд Чжан Цилина, хоть и был мимолётным, вонзился, подобно настоящей ледяной сосульке, прямо в натянутые до предела нервы У Саньшэна и У Эрбая.

Оба почувствовали, как по спине пробежал свирепый холод, едва не заставив их сорваться с мест.

У Саньшэн инстинктивно попытался нащупать сигарету, но на полпути рука застыла, а по вискам заструился холодный пот.

У Эрбай же опустил веки, кончики его пальцев бессознательно выстукивали ритм по коленям, а в голове на невероятной скорости крутились мысли, лихорадочно подыскивая хоть какую-то лазейку для отступления или... путь к спасению.

Се Юйчэнь сидел рядом с У Се, молча отвинтил крышку бутылки с водой и сделал глед.

Глядя на убитого горем У Се и вспоминая увиденную на светящемся экране правду о том, как его собственные кровные родственники точно так же плели против него интриги, он не чувствовал особого злорадства — напротив, в груди поднялось тягостное, смутное чувство родства по несчастью.

Он заговорил тихо и спокойно:

— У Се.

У Се растерянно повернул голову.

— То, что показал светящийся экран, — это не обязательно вся правда и уж тем более не окончательный приговор, — произвел Се Юйчэнь, но его взгляд пронзительно скользнул по У Эрбаю и У Саньшэну. — Однако раз уж всё оказалось перед глазами, нельзя больше обманывать самого себя.

У Се шевельнул губами, собираясь что-то сказать, но в конце концов лишь горько скривил уголки рта:

— Сяо Хуа... Разве я не жалок? Всё думал, что я какой-то особенный, а в итоге... оказался хуже тебя.

По крайней мере, Се Юйчэня предали предельно открыто, а он сам больше двадцати лет рос лишь как «целебный человек», с которым обращались как с лягушкой, сваренной на

медленном огне.

— Узнать об этом сейчас куда лучше, чем всю жизнь пребывать в неведении и в конце концов сдохнуть непонятно от чего.

Голос Се Юйчэня звучал холодно, сквозь него проступала решимость человека, сжигающего за собой мосты.

— Раз уж узнал, нужно хорошенько обдумать, как жить дальше.

Его слова прозвучали словно набат, ударив по затуманенному разуму У Се.

Верно, узнал — и что теперь? Продолжать быть для семьи У «целебным человеком» и пешкой? Или же...

Он невольно перевёл взгляд в сторону Чжан Цилина — на ту самую спину, на которую он прежде привык полагаться и за которой готов был следовать. Теперь же этот человек был тесно связан с другим и больше никогда не взглянет на него. Сердце вновь пронзила судорожная боль, но на этот раз в ней странным образом зарождалась холодная сила.

Возможно, ему стоило начать жить для себя.

Хо Сяньгу тихонько перекинулась парами слов с Хо Сюсю, то и дело бросая взгляды на Се Юйчэня и У Се, затем переводя их на Чжан Цилина и Хэй Яньцзюня, и наконец останавливая на поблекших от страха лицах братьев У в уголке.

Семья Хо и Девять Врат были связаны тысячами запутанных нитей; после сегодняшнего дня многим союзам и хрупкому равновесию, судя по всему, придётся пройти через переоценку.

Особенно этот фокус Се Юйчэня с «цикадой, сбрасывающей шкуру» заставил Хо Сяньгу окончательно потерять остатки и без того шаткого доверия к внутренней кухне Девяти Врат.

На стороне семьи Чжан младшие всё ещё возбужденно шептались, но Чжан Хайкэ уже подозвал к себе нескольких заводил и принялся о чём-то тихо отдавать им приказы со строгим выражением лица.

Раз память главы семьи вернулась, отношения с Ци-е прояснились, да ещё и добавилась эта мистическая связь с «сознанием мира», положение и позиция семьи Чжан неизбежно потребуют корректировки.

Коварству Девяти Врат нужно противостоять со всей бдительностью, но куда важнее — обеспечить безопасность и учесть волю главы семьи и Ци-е.

Хэй Яньцзюнь по-прежнему лениво прислонился к стене, позволяя Чжан Цилину держать себя за руку. Он даже слегка подался корпусом вперед, переложив на него большую часть своего веса, в позе полной расслабленности и доверия.

Однако под тёмными очками его цепкий взгляд остро сканировал реакцию каждого присутствующего в пространстве: словно затаившийся хищник, он казался праздным, но на деле полностью контролировал всю обстановку.

— Немой, — вдруг произнес он так тихо, что услышать могли лишь они двое. — Эти два старых лиса из семьи У, боюсь, уже не усидят на месте.

Чжан Цилин глухо отозвался:

— Угу.

Его взгляд по-прежнему оставался равнодушным, но Хэй Яньцзюнь чувствовал едва уловимое изменение силы, с которой тот сжимал его пальцы — в ней сквозила и настороженность, и холодная острота готовности к бою в любую секунду.

— Не спеши, —

Хэй Яньцзюнь тихо усмехнулся. —

Счета будем сводить по очереди. Сначала посмотрим, что ещё хорошенького этот «будущий» мир нам покажет.

Его голос только затих, как голос хозяина пространства вновь раздался под сводами:

□Время отдыха подошло к концу. Далее будет продемонстрирован еще один фрагмент из прошлого. Данный эпизод имеет сильную сюжетную связь, пожалуйста, обратите особое внимание.□

Картинка на светящемся экране качнулась, обстановка сменилась:

На сей раз перед зрителями предстал глубокий, пропитанный современной атмосферой закрытый коридор.

Освещение было мертвенно-бледным, отчего металлические стены казались ещё более мрачными, а воздух был пропитан незримой тяжестью и спешкой.

Группа людей стремительным шагом преодолевала коридор.

Впереди всех шел Чжан Хайкэ; его обычно невозмутимое лицо сейчас пересекали глубокие морщины на лбу, кожа приобрела редкую бледность, а между бровей залегло густое, неотвязное беспокойство.

Его одежда и манжеты были испачканы пылью и темными пятнами, напоминавшими засохшую кровь.

Следом за ним неотступно шли Чжан Хайци, а также несколько незнакомых на вид, но действующих четко и источающих суровую силу телохранителей.

Выражение лиц всех присутствующих было мрачным и сосредоточенным.

Добравшись до тяжелой герметичной двери, Чжан Хайкэ без малейшего промедления с силой распахнул её.

Увиденное внутри заставило наблюдателей по обе стороны экрана на мгновение затаить дыхание.

Центр комнаты был заставлен сложнейшей медицинской аппаратурой: мигающие индикаторы и бегущие волновые линии образовывали холодную систему жизнеобеспечения.

В самом же эпицентре всех этих приборов, на больничной койке...

Лежал Хэй Яньцзюнь.

Он покоился неподвижно, опутанный бесчисленными трубками и проводами. Его лицо было до жути бледным, почти прозрачным, губы лишены всяких признаков жизни, а в уголках рта запеклись резкие пятна темной крови.

Его неизменные тёмные очки отсутствовали; глаза были крепко закрыты, а длинные ресницы отбрасывали хрупкую тень на впалые веки.

Привычная фривольная и живая энергетика полностью испарилась, оставив лишь еле заметные колебания волн на мониторе прибора, которые едва теплились последней ниточкой жизни.

Чжан Хайци единым рывком бросилась к кровати, ее пальцы задрожали, когда она коснулась шеи Хэй Яньцзюня. Ощувив пульс — настолько слабый, что его едва удавалось уловить, — она резко обернулась, и её голос сорвался из-за предельного напряжения:

— Где врачи?! Где группа экспертов?! Почему они до сих пор не прибыли?!

Стоявший рядом Чжан Хайсин уже покраснел глазами, сдерживая подступающие к горлу рыдания:

— Они уже в пути, скоро будут! Сяо Ци, Ци-е он...

— С ним ничего не случится!

Чжан Хайкэ оборвал её на полуслове, отчеканив слова с безапелляционной твердостью, словно пытаясь убедить не столько окружающих, сколько самого себя.

Однако затаенный ужас в глубинных его глаз выдавал истинный страх, который он отчаянно пытался подавить.

— Он просто обязан выжить!

Глава семьи сейчас пропал без вести, и если с Ци-е тоже... то что же станет с семьей Чжан?

По ту сторону экрана, в пространстве воцарилась мертвая тишина.

Остатки возбужденных улыбок на лицах младших членов семьи Чжан мгновенно застыли.

Чжан Хайсинь даже не смог сдержать испуганный вскрик, но Чжан Хайкэ тут же зажал ему рот рукой — хотя лицо самого Чжан Хайкэ к тому моменту выглядело хуже некуда.

Все без исключения члены клана Чжан непроизвольно напряглись, устремив единый тяжелый взгляд на сидевшего в ряду зрителей Хэй Яньцзюня, и страх с тревогой явственно читались на их лицах.

Хэй Яньцзюнь лишь беспечно пожал плечами и заговорил непринужденно, так легко, будто речь шла о погоде:

— Чего вы все уставились на меня? Это же дела давно минувших дней~

Не успел его голос затихнуть, как атмосфера круто изменилась: уголки его губ изогнулись в привычную нагловатую ухмылку, и он с насмешкой бросил:

— Не зная правды, можно подумать, что вы все тут поголовно влюбились в вашего Дедушку Хэя!

Чжан Хайкэ: «...»

Посторонние, может, и не ведали деталей, но он-то знал всё от и до. Почему тогда Ци-е оказался искалечен столь жестоко? Да лишь потому, что пытался расчистить для семьи Чжан путь, истребляя скрывавшихся в тени и вынашивающих угрозу для рода злоумышленников.

То была жестокая битва, и после неё Ци-е должен был как следует отлеживаться и восстанавливаться. Но как назло... приближался тот самый десятилетний срок, наступало время охранять врата, а от главы семьи всё еще не было ни вестей, ни слухов.

И тогда Ци-е без малейших колебаний вышел вперед.

— Я пойду, — произнес он тогда всего два слова. Голос его звучал спокойно, но не допускал возражений.

Ци-е собирался с не до конца исцеленным телом отправиться охранять ту самую отрезающую мир от великой Истины бронзовую дверь вместо бесследно пропавшего главы.

Тогда они, разумеется, яростно протестовали.

Но Ци-е задал им всего один вопрос:

— Кто из вас способен вернуться живым из-за бронзовых врат?

Наступила гробовая тишина.

Кроме главы семьи, на это действительно был не способен никто.

Иначе с какой стати бремя охраны бронзовых врат из поколения в поколение возлагалось исключительно на плечи одного лишь Чжан Цилина?

— Если среди вас найдется хоть кто-то, кто сможет одолеть меня нынешнего, — в тот момент Хэй Яньцзюнь даже усмехнулся, хотя из-за травм эта улыбка выглядела бледно и жалко, — я соглашусь отправить вместо себя его.

Даже тяжело раненный, потерявший девять десятых своей силы, он оставался всё тем же внушающим благоговейный ужас Ци-е.

Никто из семьи Чжан не смел ответить, да и не мог.

Они могли лишь смотреть во все глаза, как Ци-е со всеми своими незажившими ранами шагает к этой пожирающей всё на свете гигантской двери.

Взгляд Чжан Цицина намертво впился в едва дышащую фигуру на светящемся экране. Его рука, державшая ладонь Хэй Яньцзюня, бессознательно сжалась так сильно, что побелели костяшки пальцев, а из глубин горла вырвался едва слышный тихий зов:

— А-Ци...

Хэй Яньцзюнь мгновенно уловил резкую бурю его эмоций, то бездонное, скрытое под маской спокойствия невыносимое беспокойство и боль.

Он тут же сжал в ответ холодные пальцы Чжан Цицина — тепло и уверенно, его голос прозвучал ровно и чётко:

— Я здесь.

— А-Ци.

— Я здесь.

— А-Ци.

— Я здесь.

Чжан Цицин звал его снова и снова, с едва заметной дрожью в голосе, словно желая через этот оклик удостовериться в существовании сидящего рядом человека и рассеять тяжелейший страх возможной утраты, зародившийся в его сердце.

Хэй Яньцзюнь без устали откликался вновь и вновь, и тон его оставался неизменно твердым и надежным.

Он прекрасно понимал: Немому сейчас требовались не слова утешения, а самое прямое, несомненное доказательство его «присутствия».

Он рядом.

Он здесь сейчас, и он будет здесь в будущем.

— —

Короткая глава на скорую руку. Можно сказать, что тяжелые ранения Хэй Яньцзюня напрямую связаны с Немым.

<http://bllate.org/book/20900/2112999>